

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3083](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3083)**И. А. Скалабан, Ю. С. Лобанов, Т. Д. Алексеев****МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И СВЯЗАННОСТЬ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ:
СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ, МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Скалабан И. А., Лобанов Ю. С., Алексеев Т. Д. Множественность и связанность городских конфликтов: способы измерения, модели описания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 326—349. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3083>.

For citation:

Skalaban I. A., Lobanov Y. S., Alekseev T. D. (2026) Multiplicity and Interconnectedness of Urban Conflicts: Measurement Methods, Description Models. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 326–349. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3083>. (In Russ.)

Получено: 07.08.2025. Принято к публикации: 29.10.2025.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И СВЯЗАННОСТЬ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ: СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ, МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии, научный руководитель Лаборатории городских исследований Института социальных технологий, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия
E-MAIL: skalaban@corp.nstu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8308-1947>

ЛОБАНОВ Юрий Сергеевич — кандидат философских наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия
E-MAIL: lobanov-y@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1982-5558>

АЛЕКСЕЕВ Тимофей Дмитриевич — старший преподаватель кафедры общей социологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия
E-MAIL: veretur@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4608-3078>

Аннотация. В работе изучаются множественность и связанность городских конфликтов как свойства современной городской среды, способы их измерения и модели описания. В теоретико-методологической части делается попытка синтезировать сетевые подходы и анализ полей стратегического действия для формулировки измеримых показателей связанности, в эмпирической — оценить возможности ее выявления на материалах базы данных «Конфликт NSK» ($n = 777$) и полуструктурированных интервью ($n = 65$) с участниками конфликтов. Для ядра конфликтов, связанных через акторов,

MULTIPLICITY AND INTERCONNECTEDNESS OF URBAN CONFLICTS: MEASUREMENT METHODS, DESCRIPTION MODELS

Irina A. SKALABAN¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Social Work and Social Anthropology; Scientific Director of the Urban Research Laboratory of the Institute of Social Technologies
E-MAIL: skalaban@corp.nstu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8308-1947>

Yuri S. LOBANOV² — Cand. Sci. (Philos.), Independent Researcher
E-MAIL: lobanov-y@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1982-5558>

Timofey D. ALEKSEEV³ — Senior Lecturer, Department of Sociology
E-MAIL: veretur@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4608-3078>

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk, Russia

³ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This study examines the multiplicity and interconnectedness of urban conflicts as inherent properties of contemporary urban environments, along with methods for their measurement and descriptive modeling. The theoretical-methodological section synthesizes network approaches and strategic action field analysis to develop measurable indicators of interconnectedness, while the empirical part evaluates its detectability using data from the “Conflict NSK” database ($n = 777$) and semi-structured interviews ($n = 65$) with conflict participants. The core group of conflicts interconnected through actors, agendas, and

повестки и локации, выделяются близкие по наполненности типы сложных, смежных и локальных конфликтов. Особое внимание уделяется связанности конфликтов через акторов как наиболее сильной форме связанности. Эмпирически доказывается, что современным акторам городских конфликтов свойственны процессы персонализации и сетевизации связей, которые реализуются в двух моделях: «лидер без сети» и «сеть без лидера». В качестве сложностей, сопровождающих нарастание связанности конфликтов, выделяются усложнение перспективы их регулирования и необходимость системного подхода к ним, учитывающего как публичные, так и теневые взаимодействия. Проблема надежности маркеров связанности представляет в этом контексте особое значение, так как усложняется не только идентификация факта связанности, но и задача приписывания конкретного типа связи стоящему за ним устойчивому противостоянию.

Ключевые слова: городской конфликт, сложный городской конфликт, конфликтность, связь конфликтов, связанность конфликтов

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01352, <https://rscf.ru/project/24-28-01352/>.

locations is categorized into three types with similar substantive characteristics — complex, juxtaposed, and local conflicts. It is empirically proven that modern actors in urban conflicts are characterized by processes of personalization and networking of connections, which are realized in two models: “leader without a network” and “network without a leader”. The difficulties that accompany the increasing interconnectedness of conflicts include the increasing complexity of the prospects for their regulation and the need for a systemic approach to it, taking into account both public and shadow interactions. The reliability of interconnectedness markers presents a particularly significant problem in this context, as it complicates not only the identification of connections but also the attribution of specific types of underlying persistent conflicts.

Keywords: urban conflict, complex urban conflict, conflictness, conflict connections, interconnectedness of conflicts

Acknowledgments. This research was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation grant No. 24-28-01352, <https://rscf.ru/project/24-28-01352/>.

Почему важны поиски связей в ситуации конфликтов?

Современные теоретические оптики, определяющие место конфликтов в текущих социальных процессах, указывают на нарастание их сложности. Становление «новой нормальности» [Гофман, Тимошук, 2021], умножение числа конфликтов, отказов от компромиссов [Тевено, 1997] сопровождаются их плюрализацией, усилением устойчивости конфликтных групп [Скалабан, Сергеева, Лобанов, 2022] и появлением новых типов альянсов [Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024]. Тенденции, наблюдаемые в диапазоне от локальных до международных конфликтов, наиболее наглядны на уровне города. Город — не только сцена отдельных конфликтов в конкретных процессах, но и «архипелаг» противоречий, вписанных как в публичную политическую, так и в повседневную жизнь.

Важные качества современных городских конфликтов, обуславливающие усиление их сложности, — множественность и связанность. Множественность проявляется в нарастающем числе акторов, повесток, конфликтных событий, совокупности проблем-триггеров: пыль, мусор, транспорт, точечная застройка. Множественность создает условия для связанности между конфликтами разных групп горожан или локаций. Фокус исключительно на отдельных, пусть и резонансных, случаях конфликтов затрудняет понимание их ресурсной базы, динамики конфликтности городской среды. Как заметил А. Лефевр, оценивая исследовательский потенциал «точечного подхода», он ценен тем, что поддается контролю, а иногда и измерению, но разделяет взаимосвязанные вещи, разъединяет «сочлененное», а значит, принимает или закрепляет фрагментацию [Лефевр, 2015: 14].

В российском исследовательском поле связи между конфликтами пока не стали предметом самостоятельного изучения, в отличие от множественности — количественного анализа таких параметров, как локация, время, участники. Актуальные объекты анализа — число протестных событий, городских конфликтов, конфликтных эпизодов, случаи пространственных конфликтов [Белоусов, Давыдов, 2024], триггеры [Скалабан и др., 2023], множественность комбинаций игроков, арен и исходов [Семенов, Минаева, 2021]. Объекты качественного анализа — связи между акторами, неформальные аспекты связей участников с властными элитами, политиками, журналистами [Желнина, Тыканова, 2021], сетевые связи между сообществами, вовлеченными в конфликт [Глухова, Кольба, Соколов, 2021]. В логике, близкой к связанности, описывается кооперация активистов между «своими» и иными акторами городских отношений [Гладарев, 2011; Паченков, Воронкова, 2021].

Цель статьи — выделить сущностные характеристики множественности и связанности как свойства городских конфликтов, способы их измерения, модели описания, оценить их потенциал для анализа конфликтности в городской среде.

Множественность и связанность: городские конфликты и городская конфликтность

Перманентная конфликтность с переменной интенсивностью — естественное состояние крупного города. Она фиксируется через общие временные (частота), пространственные (распределение и концентрация) и частные характеристики, такие как *многосубъектность*, *многопартийность* [Болтански, Тевено, 2013], многократность участия субъектов [Скалабан и др., 2022], нарастающая *множественность коммуникаций и предметов* конфликта.

Если в отношении множественности трудность составляет установление ее величины — не всегда ясно, возросло ли число случаев или их медийное покрытие, то в отношении связей между конфликтами методологическую проблему представляет их идентификация. Концепт связанности широк и не определен. Любой элемент конфликтной ситуации, взятый вне контекста, может быть оспорен как случайный или формальный. Это ставит задачу поиска убедительных признаков связи или пересекающихся признаков, свидетельствующих о вероятности связей между ними.

С философских позиций связь является особым видом отношений, взаимозависимости. Ее основополагающий признак — *сопринадлежность нескольким объ-*

ектам, соответствие изменений любого из них изменениям других [Связь... 1988: 67]. Ее существенные характеристики трактуются в диапазоне от связи как соответствия (корреляция следствий общей причины) до связи как воздействия или взаимодействия объектов [Елацков, 2016: 69]. Важно, что связь в той или иной степени ограничивает свободу произвольного изменения связанным объектом своих состояний, свойств и отношений. Поэтому связанный конфликт не может быть трансформирован или урегулирован без учета связи с заинтересованными в нем силами и не повлияв на протекание связанных с ним конфликтов.

Установление связанности событий в социальных науках обычно относится к области исторической методологии. Социологическая теория посвящает больше внимания связанности между акторами. Помимо классических теорий Г. Зиммеля и Л. Козера, где эндогенная и экзогенная связанность конфликтов лежит в основе их интегративной функции [Козер, 2000], связь изучается через сопринадлежность их компонентов. С позиций Ч. Тилли связанность конкретна и эмпирически проверяема. Она строится через действия субъектов и их координацию как видимое проявление связанности. В модернистской традиции это проявляется в общей логике коллективных действий и усилий в достижении общего блага [Tilly, 1998]. Похожее видение содержится в теориях рационального выбора, мобилизации ресурсов: связанное действие есть присоединение к организованным группам или идеологиям для координации в ситуации нарастающей сложности [Olson, 1965], что требует организационных структур, формализованных лидеров, коалиций, уточнения и согласования коллективных рамок [Benford, Snow, 2000], то есть дорогостоящих ресурсов, приносящих все меньшую отдачу. В постмодернистской традиции связь создается через персонализированные сетевые взаимодействия, социально опосредованные и технологически организованные коммуникационные процессы. Это непрерывная серия транзакций (ограниченное общение между действующими лицами), к которым участники присоединяют общие понимания, воспоминания, прогнозы, права и обязанности. Однородный набор связей между тремя и более действующими лицами образует сеть, но она не сводится к единой солидарной группе [Tilly, 1998: 456].

Методологически важный шаг для анализа сетевого характера связей был сделан Б. Латуром. Потенциал содержит его интерпретация связанности как объединения (умножения) конфликтов путем «переноса» через определенную среду «значений или силы» [Латур, 2014: 151]. Из одного конфликта в другой через проводника (не преобразуя) или посредника (преобразуя) передаются смыслы, действия, ресурсы (символические или материальные), информация, технологии. Важная роль в построении связей принадлежит общим чатам, веб-ссылкам, платформам, социальным сетям как агентам сети, не сводимым к ведущим организационным субъектам. Их архитектура определяет способы координации конфликтных действий (сбор подписей, поиск данных и обмен информацией через цифровые платформы, репосты) [Bennett, Segerberg, 2012]. Эти технические посредники персонифицируют участие горожан, умножают их связи, одновременно смещая из публичного пространства в частное. Эта «приватизация» осложняет идентификацию городского конфликта, но делает сетевые коммуникации более значимыми.

Думается, что модель Б. Латура перспективна скорее для анализа связи «конфликт — сущность — конфликт», так как акцентирует перенос агентами смыслов и значений из одного конфликта в другой, а модель Ч. Тилли больше фокусируется на связях сетевых акторов: «сущность — конфликт — сущность», где сам конфликт становится способом связи между субъектами. Оформляя проблемы в повестки, он становится проводником ценностей и смыслов, способом координации между действующими лицами, их реинтродукции в механизмы принятия решений. Оба подхода обладают эвристическим потенциалом для анализа связей в городском конфликтном поле.

Связанность конфликтов имеет потенциал осмысления и в теории полей стратегических действий [Флигстин, Макадам, 2022]. Связь между конфликтами (кризисами) строится благодаря наличию у акторов разделяемых представлений о дестабилизирующих событиях внутри поля стратегического действия и состояния смежных полей. Стратегические акторы осознают связи между своими интересами и конфликтными событиями, которые не являются предметом их контроля, и то, что исход одного из конфликтов зависит от исхода другого, а исход каждого из этих конфликтов зависит от их положения в иерархии поля/полей стратегического действия, стабильности поля. Здесь, в отличие от обеих приведенных выше моделей, основой связи выступает инструментальная рациональность субъекта. Интерпретации раскладов в поле его участниками сами по себе суть основание связи, а не только производная от объективного положения дел.

Конфликт внутри городского стратегического поля является риском или возможностью для актора в зависимости от его позиции — доминирующего или претендента. Если претендент стремится захватить ресурс, неадекватный его статусу (девелопер-претендент пытается реализовать проект крупного ЖК в центре города), то его действия будут оспорены доминирующими стратегическими акторами, в том числе в форме инициирования или поддержки городского конфликта. В случае если сложившееся статус-кво нарушено в смежном поле, то может быть обеспечен перенос ресурсов в конфликт из одного поля в другое, чтобы погасить или эскалировать его. Это возможно через вовлечение большего числа участников, расширение сфер конфликтования, повесток, медийного резонанса, увеличения числа событий, чтобы актор мог выразить себя в них, к примеру, как значимого и обладающего ресурсами претендента — нового игрока на поле стратегического действия.

Мы предлагаем размышлять о связанности городского конфликта с вниманием к трем теоретическим идеям:

- 1) сами конфликты возникают в сетях устойчивых транзакций, и связанность субъектов — одна из посылок конфликта (Ч. Тилли);
- 2) сетевая связанность не исчерпывается наблюдаемыми транзакциями и расудочной кооперацией субъектов — она обладает собственной агентностью, определяющей контуры связей и конфликтов (Б. Латур);
- 3) с другой стороны, эти контуры определяются и акторами в полях стратегических действий, исходящими из инструментальной рациональности, а для современного городского конфликта эти поля расширяются (Н. Флигстин, Д. Макадам).

Под связями конфликтов мы понимаем зависимость или созависимость между собой конфликтов и их структурных компонентов. Если возникающий конфликт

своим наличием влияет на характер протекания и урегулирования другого конфликта, то между ними существует связь. *Потенциал связи возникает, когда между конфликтами, их компонентами имеется разделяемое общее, способное стать основанием для коррекции или согласования их стратегий или тактик.*

Связанность конструируется в диапазоне от *сопредставления* проблем и повесток до *содеятельности* их участников, что свидетельствует о разном уровне ее сформированности. Поэтому если *потенциал связи* может быть обнаружен через пересечения проблем, повесток, пространств, то *действующая связь* конфликтов может быть идентифицирована через совместное позиционирование проблемы и координированность действий. Важный механизм установления связей — перенос смыслов, ценностей по разделяемой проблеме акторами из конфликта в конфликт, что выражается в координации позиций и/или совместности действий.

Индикаторы связанности городского конфликта

Один их подходов к операционализации концептов связи и связанности был предложен междисциплинарной группой исследователей городских конфликтов университета Квебека. Их понимание связанности максимально конкретизировано и проверяемо: *установление многообразных (от двух и более) связей и зависимостей на основании общей цели или разделяемых задач, последовательности конфликтных событий, связанных друг с другом, но распределенных во времени и в локальном пространстве.* Это и создает городские конфликтные сети [Pelletier, Trudelle, 2016]. Здесь «сопринадлежность» проявляет себя через целеполагание, координацию, «содеятельность» как альянс, что ближе к модернистской модели Ч. Тилли. Это тип устойчивых связей внутри конфликта или между близкими по повестке конфликтами на одной территории. Множественные взаимодействия здесь конституируют отношения поддержки в виде союзов и коалиций, в том числе и через сложные властные отношения между субъектами городских конфликтов в контексте выбранных стратегических ориентаций, интересов и вытекающих из них компромиссов [Trudelle, Klein, Fontan, 2015]. Считаем, что индикаторы, фиксирующие очевидную связь между двумя конфликтами, могут быть дополнены следующими показателями:

- повторяющееся упоминание одной проблемы в обоих конфликтах, совпадение локации, действующих лиц, времени возникновения (*потенциал связи*);
- упоминание в одном конфликте прецедента из другого, совпадение смыслового содержания позиций акторов по разным проблемам, идентификация субъектов одного конфликта с субъектами другого (*связь*);
- координируемая позиция, действие с ориентацией на второй конфликт (или ориентация другого субъекта на него), совместное участие, прямой перевод/обмен капиталом между акторами, иные показатели переноса информации и ресурсов между конфликтами (*связь*);
- сочетания указанных выше показателей и количество разнородных индикаторов (*связь*)¹.

¹ Метаиндикаторы, касающиеся количества и комбинаций базовых индикаторов, особенно важны. Исходя из здравого смысла ясно, что показатели связи бывают более и менее сильными: участие одного лица или совпадение даты почти ничего не говорят о связи двух конфликтов, но сочетание этих двух слабых показателей зачастую будет весомее, чем, например, взаимное упоминание.

Соответственно, связи могут конструироваться через:

— соприсутствие в физическом, социальном или символическом *пространстве* с учетом общих условий и обстоятельств; ценность приобретают локализованные отношения, организованные в терминах места [Гидденс, 2011: 234];

— перенос и формирование общих смыслов, ценностей, оценки проблем, выраженных в *конфликтных повестках*; перенос смыслов создает условия для сопредставления — возможности для действий, осуществляемых с учетом других конфликтов, конфликтных групп или согласованных действий;

— координацию действий: взаимодействия *акторов* (персон, групп, сообществ, структур), комбинации действующих акторов, в том числе в составе сети, вовлеченных в один или близкие конфликты.

Связь может обладать разной дистанцией: *близкой*, внутри одной сферы жизнедеятельности, или *дальней*, связывающей между собой акторов и повестки из разных сфер, в том числе редко пересекающихся в практиках городских отношений. Разная дистанция предполагает разную степень включенности субъектов, разные ролевые позиции, что выходит за рамки упрощенной дихотомии основных участников.

Многие из типов и параметров связанности в этой статье лишь маркируются и требуют дополнительных исследований. Ниже опишем эмпирические характеристики множественности и связанности.

Информационная база исследования

Эмпирическая основа исследования — Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (ГБД), созданная сотрудниками Лаборатории городских исследований Новосибирского государственного технического университета в 2021 г. (<https://conflictsnsk.ru/>), дополненная полуструктурированными интервью. Она содержит кейсы конфликтов с 2011 г. (точно с 2004 г.) и пополняется методом геокодирования медиаданных по более чем сорока параметрам [Городские пространства..., 2023: 290—296]. На момент работы над статьей ГБД содержала кейсы по 777 конфликтам, 1820 составляющим их событиям, медиаданные о 3553 акторах, в том числе 93 сообществах.

Особенность структуры ГБД — наличие индикатора «связи между конфликтами» с дифференциацией по группам: «объект, пространство», «предмет, проблема, триггер», «актор», — и индикатора «связи между сообществами». Данные по этим признакам доступны для 557 кейсам из 777, так как параметр введен в ходе доработки дизайна структуры данных. Поскольку их ввод отчасти строится на наблюдениях кодировщиков, сопоставлении ими медиаданных, то процесс накопления сведений о связях нельзя назвать процедурно одинаково строгим для всех наблюдений.

Сбор данных о конфликтах из медиаисточников в широком временном диапазоне также имеет ограничения. Во-первых, обозначилась проблема полноты и пропорциональности отбора случаев. Идентификация публичного конфликта в медиаконтенте в силу многообразия форм сложнее, чем, например, идентификация акционного протеста. Во-вторых, одновременное кодирование данных в режиме текущего времени и «задним числом» (предыдущего десятилетия) в процес-

се поступательного размывания границ публичности, смены нормативных рамок конфликтования, сложности идентификации юридизированных форм конфликтования, часто оставляющих меньший медиаслед, способствует потере в медиаконтенте прошлых лет конфликтов с низким резонансом, позволяет сравнивать в динамике только с большими оговорками. Так, данные за 2011—2019 гг. составляют 18 % от всего массива данных; параллельный ввод старых и текущих кейсов 2020—2021 гг. — 12%; сплошная выборка текущих конфликтов 2022—2025 гг. — 67 %. Поэтому мы ориентируемся не столько на абсолютные, сколько на относительные показатели. В-третьих, медиарепрезентация публичных данных не всегда позволяет установить наличие связей между конфликтами и даже событиями одного конфликта [Города расходящихся... 2021: 73], особенно учитывая, что медиа, будучи в терминологии Б. Латура не только проводниками, но и посредниками, могут сохранять пристрастность, контролироваться определенными группами интересов. Отчасти эти проблемы компенсируются привлечением данных из нескольких источников. Важным подспорьем в подтверждении связей стали 65 полуструктурированных интервью с участниками конфликтов и экспертами в различных сферах городских отношений, раскрывающие неформальные аспекты резонансных конфликтов, паттерны взаимодействий, связей внутри публичного конфликтного пространства.

Множественность как потенциал связанности

Новосибирск — крупнейшее муниципальное образование России. В нем проживает 1,63 млн человек. Население Новосибирской агломерации превышает 2 млн человек. В силу отсутствия крупных градообразующих предприятий, определяющих его экономическую и градостроительную политику, а также полицентричной структуры элит с сопоставимыми ресурсами здесь установился городской политический режим конфронтационного типа [Бедерсон, Шевцова, 2021]. За несколько десятилетий это сформировало практики и культуру публичного конфликтования, которая сохраняется даже в условиях ужесточения норм на федеральном уровне.

Конфронтационный тип городского режима неизбежно создает условия для множества конфликтов в различных сферах городской жизни (см. рис. 1). Несмотря на сокращение числа конфликтов акционного типа (см. рис. 2), общее число действий и событий городских конфликтов в последние годы стабилизировалось.

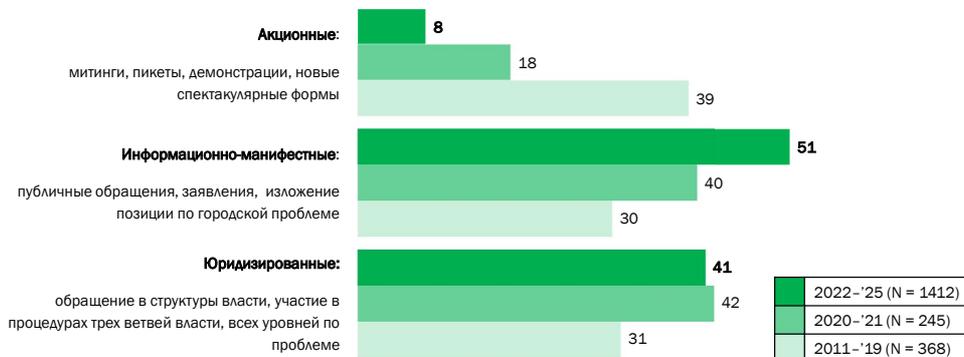
Тенденция последних лет — более равномерное распределение конфликтов по сферам городской жизни. Если в 2022 г. на доминирующую сферу — ЖКХ — приходилось больше половины всех конфликтов, то в 2024 г. ее доля упала до 36 %. Возросло число конфликтов, в повестках² которых затрагивается одновременно несколько сфер городских отношений. Из 40 конфликтов ГБД, разворачивающихся в трех и более сферах, 23 приходятся на последние три года, восемь из возникших ранее до сих пор не завершились. Максимум широты повестки — пять сфер городской жизни — наблюдается в кейсе «Жители Хилокского жилмассива против разведения скота мигрантами на территории бывшего военного городка» (2024 г.).

² Повестки отличаются от сфер тем, что отмечаются на основе проблем, которые указывают сами действующие лица в конфликте, аналогии, о которых считают нужным сообщить. Сферы определяет кодировщик, квалифицированный редактор базы. Сферы — более формальный классификатор, повестки — стихийный и субъективный.

Рис. 1. Распределение публичных городских конфликтов Новосибирска по сферам жизнедеятельности в 2022—2024 гг. (в %)

Рис. 2. Основные виды действий в событиях конфликтов (2011—2025 гг.) (в %)

Чаще всего в конфликтах пересекаются сферы «строительство» и «городское хозяйство, ЖКХ»; «экология» и «городское хозяйство, ЖКХ» (35 случаев из общего массива данных); «городское хозяйство и ЖКХ» и «соседство, среда обитания» (29 случаев); «безопасность, правопорядок» и «этнические и религиозные отношения» (27 случаев). Частота пересечения позволяет выделить две группы конфликтных полей Новосибирска. Первая структурируется вокруг качества жизни: строительство, ЖКХ, экология. Вторая — вокруг безопасности и символических ценностей: соседство, безопасность и правопорядок, этнические и религиозные отношения. Пересечение или объединение повесток создает потенциал для свя-

занности. Масштабируя локальную проблему как широкую, общественно значимую, участники конфликтов привлекают к ней большее внимание, создают дополнительные точки входа для новых акторов. Рост числа случаев в ранее менее конфликтных сферах также создает дополнительный потенциал связанности. Их участники с высокой вероятностью еще не обладают собственным конфликтным инструментарием, а значит, для эффективных действий они ищут союзников.

В этой логике мы проанализировали подвыборку из 40 «многосферных» конфликтов. Провели содержательный анализ потенциала связей по параметрам: участие одних и тех же акторов в разных конфликтах, общность формулируемых конфликтных повесток и мест протекания.

Данные показали, что выделенные по свойству «многосферность» (от трех сфер и более) конфликты (см. табл. 1) не обладают универсальным потенциалом конструирования связей. Они дифференцированы по длительности протекания, числу событий, акторов, широте сетевой репрезентации конфликтов, вовлеченности конфликтных сообществ. Это позволило выделить три группы и оценить в них роль экзогенных связей. Типология формировалась исходя из предшествующего анализу априорного различия «сложный конфликт — локальный конфликт» [Скалабан, Лобанов, 2025]. Сначала в подвыборке были качественно идентифицированы сложные конфликты: продолжительные, резонансные, включающие серии событий. Затем — локальные конфликты, сфокусированные на конкретных проблемах малого масштаба. Оставшиеся кейсы обнаружили сходство друг с другом и были отнесены к смежному типу.

Таблица 1. **Общая характеристика типов многосферных конфликтов (n = 40)**

Тип	Количество	Средние значения показателей для одного конфликта							
		Событий	Продолжительности конфликта (в годах)	Числа повесток	Числа публикаций (резонанс)	Акторов	Числа вовлеченных сообществ	Групп, пабликов, освещающих конфликт	Связанных конфликтов
Сложные конфликты (n = 11)	14	10,1	4,0	3,3	свыше 50	14,2	2,4	25,5	1,9
Смежные конфликты (n = 14)	11	4,6	1,0	3,2	10—50	3,7	1,7	9,8	2,6
Локальные/фокусированные конфликты (n = 15)	15	1,5	0,1	2,0	менее 10	4,8	0,3	3,6	0,3

Первой группе — сложные конфликты — свойственны множественность событий, акторов, повесток и динамическая и структурная устойчивость. Эти конфликты существенно продолжительнее, резонанснее, чем остальные. Им присуща высокая вовлеченность органов власти разного уровня, крупного и среднего бизнеса, устойчивых сообществ и гражданских групп. Здесь чаще встречаются персоны, которые уже участвовали в конфликтах. Привлекательность манифестируемых

повесток, широкое информирование и отклик в виде множественных коммуникаций вовлекают разных субъектов городских отношений, дают высокий отклик сетей. Показывая несколько меньшее среднее число связей между конфликтами, чем следующий вид, связи сложных конфликтов более плотные, то есть построенные на сочетании двух-трех типов: акторов, повесток и места (см. табл. 2). Интересно, исходы изученных кейсов, частота связей (см. табл. 2) показывают, что такие ресурсно достаточные конфликты оказывают влияние на порядок городской жизни, сами генерируют связи, становятся их узлами за счет важного в политическом, экономическом, социальном плане предмета оспаривания.

Таблица 2. **Распределение связанных «многосферных» конфликтов по типам связей**

	Связи через...		
	...акторов	...повестки	...место
Сложные конфликты	10	8	5
Смежные конфликты	6	7	4
Локальные/фокусированные конфликты	3	0	1

Триггеры большинства сложных конфликтов — крупные инвестиционные проекты: кейсы «Четвертый мост» (2016 г. — по настоящее время), «Строительство Восточного обхода Новосибирска: проезд транзитного транспорта через Советский район» (2017 г. — по настоящее время); оспаривание инвестиционно привлекательных пространств, особенно на символически значимых территориях — «Военный городок. Перспективы застройки» (2014—2024); хронические инфраструктурные проблемы города — пыль («Пыль в городе или Пылесибирск», 2022 г. — по настоящее время), проблемы деградации локальной инфраструктуры, пространственной концентрации инокультурных групп, с которыми жители часто связывают ослабление безопасности. Например, на территории крупнейшего в регионе плодоовощного рынка с 2015 по 2024 г. зафиксировано 20 публичных конфликтов («Хилковский треугольник»). Два из них вошли в группу сложных конфликтов.

Свидетельство накопленных связей — вовлеченность в конфликты одновременно нескольких сообществ городского и локального типа, их сетевая коммуникационная чувствительность к городским конфликтам. Анализ пабликов, чатов городских групп и сообществ, имеющих опыт конфликтования, показывает, что в них активнее, чем в остальном сетевом контенте, происходит репост информации о городских конфликтах — даже далеких от манифестируемой ими проблемы. Паблики и группы сообществ, вовлеченных в конфликт, становятся дайджестами новостей о городских конфликтах, комментируется опыт, приводятся нормативные и технологические требования, например, к размещению мусорных полигонов, реализации проектов комплексного развития территорий (КРТ), транспортных магистралей или пересадочных узлов. Чаты сообществ завершившихся конфликтов часто сохраняются под старым названием и вносят свой вклад в поддержание связей.

Вторую группу обозначим как смежные конфликты. Они не обладают столь уникальными ресурсными характеристиками, менее длительны, но непременно вписаны в актуальную и широкую конфликтную повестку локальной территории

и обладают наибольшим потенциалом связанности. К этой группе относится часть конфликтов, обозначенных как «Хилокский треугольник» — территории, где накладываются друг на друга проблемы трех близко расположенных локаций — кладбища, мусорного полигона, плодоовощного рынка; а также конфликты, вызванные проектами КРТ (2023—2025 гг.); сохранением городских лесов и парковых зон; проблемами сбора и утилизации отходов. Их связи с другими конфликтами строятся преимущественно по горизонтали, через интенсивное информационное взаимодействие между группами горожан с похожими проблемами, а потому отдельные события могут быть менее резонансны. Пример налаженных связей — полицентричное сообщество экологов и других жителей Академгородка, состоящее из ряда онлайн- и офлайн-групп. Его активность делает невозможным возникновение изолированного конфликта в любой из его территориальных или социальных зон без реакции или ресурсной поддержки хотя бы одного из сообществ (кейс «Экологи против строительства кампуса НГУ мирового уровня», 2021—2022 гг.). Пример маркирования актуальной городской проблемы — конфликт с «цыганской» повесткой (кейс «Жители Ленинского района против цыганского табора», 2022 г.). Будучи кратковременным, он получил значительную эмоциональную реакцию в сетях (репост и обсуждение в 15 пабликах и группах) на фоне усиления в городе антицыганских настроений, что отразилось в девяти публичных конфликтах в 2022—2023 гг. Кейс «Строительство общежития для мигрантов на Пригородной» (2023 г.) входит в комплекс 33 конфликтов, вызванных стремительным ростом антимигрантских настроений в период 2023—2024 гг., из 40 кейсов этой тематики, имеющих в базе данных. Резонансный кейс «Жители „Заречного“ против КРТ» (2023—2025 гг.) входит в комплекс из 11 локальных конфликтов противостояния КРТ-проектам, проявивших себя в последние два года.

Но можно ли рассматривать концентрацию (множественность) конфликтов похожих повесток как ситуацию переноса и потенциал связанности? Можно в случае, если имеются и иные подтверждения связей, кроме общности повестки. Так, среди акторов, выделенных в подвыборку 40 конфликтов, в 15 было медийно зафиксировано участие трех сообществ националистического толка, возникших или выделившихся из активных несколько лет назад.

Третья группа объединяет локальные фокусированные конфликты. Конфликты городского масштаба здесь отсутствуют. Манифестация в конфликте широкого круга проблем разных сфер чаще обусловлена постановкой самой проблемы как близкой большому числу горожан. Например, кейс «Местные жители требуют закрыть пивной магазин на Космической» (2019 г.) — актуализация сферы соседства, безопасности и правопорядка, социальной сферы: магазин расположен недалеко от школы. Запрос на связи и поддержку в фокусированных конфликтах существенно слабее, как слабее и активность тех, кто инициирует конфликт. Она ограничивается одним-двумя юридизированными действиями без запроса на ресурсную поддержку иных гражданских акторов, что связано с риском неуправляемой эскалации конфликта. Публичная апелляция к иным гражданским акторам без их согласия не практикуется, как не практикуется и самостоятельная активность в отношении проблемы, «присвоенной» иным сообществом, что подтверждают редкие случаи отрицательной связанности — конкуренции между актора-

ми за контроль над конфликтной ситуацией и аккумулируемыми ресурсами (кейс «Конфликт между активными жителями микрорайона Хилокский и активистами Русской народной дружины в отношении патрулирования микрорайона», 2024 г.).

Таким образом, множественность становится потенциалом связанности не сама по себе, а при наличии запроса на общее смысловое пространство проблемы, сетевую поддержку или при наличии иных ресурсов.

Связи городских конфликтов: опыт описания и типологизации

Обратимся к более широкому контенту связей между конфликтами в ГБД. На 557 кейсов, где этот параметр отслеживался при вводе данных, выделено 224 связи в 134 кейсах, что составляет 24 % от массива данных. Максимум — 13 связей с конфликтами, инициируемыми локально организованными группами жителей, наблюдаются в кейсе апреля 2025 г. «Дебаты вокруг КРТ как стратегии развития городской среды».

Наибольшее число связей возникает через общность повесток — 135 кейсов. Они подтверждаются фиксацией их участников в местных онлайн-группах с похожими проблемами, взаимными репостами публикаций и участием в онлайн-дискуссиях. Множественность однородных повесток требует реакции со стороны органов власти. Множественность и однородность — важный маркер формирования общего конфликтного поля, условие конструирования связей. В соприсутствии рождаются и координируются общие образы ситуации, но здесь в последние годы часто отсутствует главный маркер устойчивой связи — содействие (совместные действия), что позволяет рассматривать общность повесток как «недосвязанность» или потенциал возможных связей.

Похожая логика построения связей наблюдается и в конфликтах, объединенных общей локацией (местом) — 53. В публичных данных она проявлена через общие топонимы. Но для конструирования связей этого типа только соприсутствия все же недостаточно. Потенциал связанности усиливается, если параметры общего места и общей проблемы совпадают.

Наименьшее количество связей фиксируется по акторам — персонам, организациям или сообществам — 37. Они также дифференцируются по связям «актор — конфликт — актор» между акторами, вовлеченными в один конфликт, и связи «конфликт — актор — конфликт» через участие одного актора в нескольких конфликтах. Первый тип связи зафиксировать сложно, поскольку он часто носит непубличный характер. Выявление связи второго типа зависит от того, теньевую или публичную позицию занимает актор. Последняя для многократно участвующих в конфликтах ресурсна и позволяет позиционировать их как квалифицированных акторов.

Поскольку теоретические модели рассматривают взаимодействия акторов как наиболее убедительные признаки связанности, а эмпирические акторы — наиболее редкий медиатор связи конфликтов, остановимся на них подробнее.

Сокращение в последние годы числа конфликтов акционного типа, обращение преимущественно к юридизированным формам конфликтования (см. рис. 2) актуализировало между близкими по тематике акторами режим не столько публичных совместных действий, сколько координации, преимущественно через вза-

имное информирование и обсуждение. Это меняет запрос на свойства акторов конфликтов. Обозначим две тенденции.

Тенденция к персонализации связей акторов, отмеченная еще Ч. Тилли. Анализ списка персон, многократно участвующих в конфликтах (см. табл. 3), показывает среди них значительный удельный вес акторов, вовлеченных «по должности», экономическим интересам, а также гражданских активистов — системных (возглавляющих НКО) или несистемных (лидеры сообществ, персоны в протестной или экспертной позиции). Примечательно, что в медийном пространстве гражданские участники чаще позиционируются как персоны-общественники, а не представители гражданских структур. Медианные значения числа конфликтов с участием одних и тех же общественников сопоставимы или несколько превышают число конфликтов с участием одних и тех же представителей муниципальных или государственных органов власти. Персонализация позиции в конфликтах последних отмечается особенно в тематике качества социальной инфраструктуры, безопасности и защиты прав жителей.

Таблица 3. Медийно зафиксированное участие в городских конфликтах наиболее активных персон (от трех конфликтов и более)

№	Типы акторов-участников	Число персон	Максимальное число конфликтов, в которых участвовала одна персона	Медианное значение числа участия в конфликтах персон одного типа акторов
1	Органы власти федерального уровня	3	56	8
2	Органы власти регионального уровня:			
	Законодательное собрание	18	14	5
	Правительство НСО	14	42	4
	Правоохранительные органы регионального и городского уровня	4	11	7,5
3	Органы власти муниципального уровня:			
	Совет депутатов	17	24	5
	Мэрия	23	75	4
4	Государственные, муниципальные организации	7	9	5
5	Коммерческие организации	16	7	4,2
6	Медиа структуры	3	8	5
7	Структуры гражданского общества:			
	формализованные	29	26	7
	неформализованные	9	9	5
8	Отделения политических партий	2	7	6
9	Религиозные организации	2	6	4,5

Качественный анализ данных (интервью, кейс-анализ) о позиционировании себя гражданскими акторами — участниками конфликтов в полях стратегических действий позволил выделить два их варианта.

— «Лидер без сети». Активные гражданские персоны, часто входя в публичное поле через конфликты, закрепляются в нем по их завершении. Множественность связей в поле, близких полях стратегических действий запускает процессы профессионализации (коммерческой или некоммерческой) акторов как участников городских конфликтов, открывает возможности оказания поддержки и услуг, тем самым конституируя в инфраструктуре городского конфликта одну из ключевых позиций — посредника.

— «Сеть без лидера». Сетевизация участия горожан проявляет себя в новом для конфликтного поля явлении — массовой сетевой демонстрации негативных настроений в отношении проблемы. Коллективно конструируется образ ситуации и позиция («Кольцо ада» — топоним, созданный горожанами как реакция на многочасовые пробки на транспортной развязке в ходе строительства Четвертого моста), которая оказывает влияние на принятие управленческих решений. Роль проводника и посредника в оформлении отрицающей или оборонительной позиции сетевых сообществ берут на себя медиа, что рождает новый тип городского конфликта с низовой активностью и выраженной позицией по проблеме без оформленного лидерства и направленного действия.

Тенденция к устойчивости сформировавшихся сообществ и групп: конструирование связей сообществ между собой через многократное участие в конфликтах свойственно скорее устойчивым городским сообществам, способным одновременно и выполнять экспертные функции, и инициировать защиту объектов и ценностей. Например, участие сообщества архитекторов и краеведов в 13 конфликтах с 2013 г., экологов Академгородка в десяти конфликтах с 2006 г., общественное движение «Искалеченный Новосибирск» в десяти конфликтах с 2013 г. Устойчивость поддерживается не только длительным функционированием сообществ и поддерживающих их структур, но и их трансформацией, адаптацией к текущей социальной и политической ситуации. Так, сообщество православных активистов, оформившееся в ходе борьбы против ювенальной юстиции конца 2000-х годов, способствовало появлению Новосибирского координационного совета в защиту общественной нравственности, культуры и традиционных семейных ценностей (активность с 2012 г., оформлен в 2013 г.), а в его составе оформилась Сибирская правозащитная группа «Радетель» (2022 г.). С 2012 г. эти структуры приняли участие в 22 конфликтах. Локальным сообществам устойчивость свойственна избирательно, во многом она зависит от широты конфликтной повестки, опыта мобилизации местных сил: полицентричное сообщество Академгородка — 13 конфликтов с 2006 г.; Бугринский комитет — пять конфликтов с 2022 г.; инициативная группа жителей Нижней Ельцовки — шесть конфликтов с 2013 г., онлайн-сообщество «Хилокский жилмассив: welcome to ГЕТТО!» — шесть конфликтов с 2020 г.

Из 93 сообществ базы ГБД, участвующих в конфликтах (начало фиксации первых сообществ — с 2011 г.), нами отмечено 23 сообщества, чье присутствие пересекается в конфликтах. О потенциале их устойчивости свидетельствует тот факт, что в настоящее время только 16 прекратили активность. 42 сообщества поддер-

живают офлайн- и онлайн-активность, 27 — онлайн-активность, три сообщества пассивны, но сохраняют ядра сообществ и публичные элементы сетевой структуры (паблики, телеграм-каналы). Это позволяет предположить, что сохраняется и потенциал мобилизации. Анализ кейсов и интервью показывает, что интенсивность связей между персонами и между сообществами усиливается, когда в конфликте устанавливается несколько типов связей, описанных выше (см. табл. 2), расширяется число гражданских персон, сообществ, вовлеченных в один конфликт.

Связи между конфликтами строятся по разным схемам: в хронологической последовательности, когда один конфликт перетекает в другой, удерживая связь по объекту (*последовательные конфликты 2011 и 2019 гг. в защиту Лесопарка имени Синягина, Краснообск*); протекают относительно одновременно как часть одной проблемной ситуации (*конфликты местных сообществ против КРТ-проектов*); строятся по смешанному типу. Как правило, это сложные городские конфликты с высоким общественным резонансом, вызванные системными проблемами города: пыль, раздражающий горожан запах на улицах, миграционная ситуация в этнизированных пространствах.

Связи конфликтов в полях стратегических действий

Связи в конфликтах не только строятся по внутрисекторальным партнерским схемам, но и объединяют всех участников, явных и потенциальных заинтересованных сторон конфликтов, влияя на политику, структуры, нормы и иерархии в полях стратегических действий города. Именно в этом ракурсе внутриэлитные конфликты могут просматриваться в городских, а противоречия в иерархических позициях и интересах акторов полей позволяют предположить или зафиксировать связи теневых игроков. Опираясь на утверждение авторов теории полей стратегических действий о стремлении к поддержанию (противодействию дестабилизации) или пересмотру иерархии поля его акторами в зависимости от стабильности или кризисности его состояния [Флигстин, Макадам, 2022], а также реконструируя конфликтные взаимодействия в стратегическом поле «жилищное строительство» на основе интервью с экспертами и его ключевыми акторами, мы выделили две модели связей между акторами полей стратегических действий.

Модель 1. Баланс — связь как способ поддержания или оспаривания соотношения сил в поле стратегического действия.

Городской конфликт — не только инструмент борьбы акторов, но и способ сохранения баланса их интересов и мест в иерархии поля стратегического действия, где устанавливаются правила или перераспределяются городские ресурсы. Он средство, которое может изменить положение оппонента (если он претендент) или, напротив, не допустить изменения положения (если участник конфликта — доминирующий актор), затруднить установление контроля над значительной частью важного ресурса, лежащего или распределяемого в поле стратегического действия и близких полях. Например, реализация крупных девелоперских проектов в центре города одним из застройщиков позволит ему получить большую прибыль и влияние в важных стратегических полях города — не только жилищного строительства, но и городской политики, где происходит инвестирование в контроль над городским советом, действуют лоббистские группы. В этом случае его

оппоненты могут инициировать или поддерживать конфликт вокруг его проектов через посредников или прокси — «профессиональных общественников»³, местных депутатов, чтобы сохранить баланс. Прямые участники городского конфликта связываются с элитными противостояниями, получая дополнительные ресурсы, материальные и символические.

Рискуя получить репутацию слабого актора, который легко расстается с ресурсами, девелопер — инициатор проектов вынужден ответить оппонентам, например, используя административный ресурс или поддержку силовых структур. Однако в условиях конфронтационного городского режима он нередко выбирает инициирование или поддержку ответного городского конфликта «на территории» оппонентов (в иной локации и с иной повесткой, что делает для наблюдателей неочевидными связи акторов друг с другом). Чаще такую стратегию выбирают акторы, обладающие доступом к инфраструктуре гражданского участия: связям с «профессиональными общественниками», подконтрольными депутатами, СМИ, с социальными навыками конфликтования. Так возникает система из двух и более связанных городских конфликтов, чьи пересечения в объекте и предмете конфликтования не очевидны, а ход и результаты зависят не столько от конкретного объекта оспаривания, сколько от характера элитного противостояния, устойчивости иерархий поля стратегических действий. Эта связь приведет либо к достижению актором в стратегическом поле, близких полях статус-кво, либо к изменению правил и иерархий.

Модель 2. Альянс — связь как способ кооперации и защиты интересов слабых акторов.

Альянс — это стратегия связей, которую чаще выбирают претенденты на статус квалифицированных акторов в поле стратегического действия, слабые игроки, не обладающие достаточными ресурсами, чтобы влиять на изменения, контролировать правила, определяющие распределение ключевых ресурсов в поле, смежных полях. В городских конфликтах последних лет эта стратегия часто проявляется при пересечении интересов коммерческих структур, политических групп, через неявную, скрытую поддержку ими коллективных акторов, часто локальных конфликтных групп. Такие альянсы чаще формируются через посредников, квалифицированных социальных акторов — общественников или общественные структуры. Возможна и имитация альянсов с гражданскими неформальными структурами с целью давления на органы власти при принятии решений.

Альянсы часто возникают среди общественных сил без участия квалифицированного актора с коммерческими и политическими интересами. Одна из обозначившихся стратегий — создание связей ряда «слабых», разрозненных акторов (локальных или узконишевых сообществ) в борьбе против стратегического актора, например, в инфраструктурных, инвестиционных проектах, инициируе-

³ Под «профессиональным общественником» мы понимаем персону — квалифицированного актора, устойчиво присутствующего на публичных аренах города (особенно аренах городских конфликтов), способного выполнять в них триггерные, инициирующие, консультативные, посреднические и/или адвокатирующие функции при сохранении ролевой позиции общественника. Появление такой роли мы связываем со спецификой профессионализации гражданского участия в условиях усиления его административной предписанности и, одновременно, нормативно-уголовного усложнения процедур участия, отстаивания прав и интересов «пользователей» города при принятии управленческих решений.

мых крупным бизнесом и/или органами власти. Такие альянсы в настоящее время меньше проявляют себя публично, взаимодействуют без публичного «голоса», их участники ориентированы скорее на координацию позиции в отношении стратегического курса органов власти региона или города, чем на урегулирование конкретной ситуации. Таков альянс конфликтных групп разных территорий в отношении политики КРТ или политики строительства мусорных полигонов. Ресурсная поддержка друг друга участниками альянса осуществляется чаще через экспертизу, консультирование, переток знаний, чтобы создать у группы стратегических акторов коллективное представление о рискованности тех или иных действий, вне зависимости от собственной ценности объектов защиты. Так, группа активистов-краеведов может быть склонна поддерживать акции против точечной застройки, когда под угрозой сноса оказываются старые городские постройки, историко-культурная ценность которых не доказана и даже сомнительна. Их задача — чтобы девелоперы в целом опасались реализовывать проекты, а чиновники — выдавать разрешение на строительство, предполагающее снос старых зданий, благодаря чему снижается риск разрушения ценных исторических объектов. Группа экологов-активистов определенной локации может начать участвовать во многих пространственно не связанных экологических конфликтах, в том числе с сомнительной экологической ценностью объектов, с тем чтобы чиновники в целом опасались санкционировать реализацию проектов даже с минимальными экологическими рисками. Так активисты стремятся создать коллективно разделяемое представление, позицию о недопустимости вмешательства стратегических акторов в некоторые символически ценные сферы («экологическую», «историко-культурную»), транслируя ее в том числе широкой аудитории городских наблюдателей (журналистов, блогеров) с целью привлечь сторонников своей позиции, обеспечив преимущество в защите значимых объектов.

Заключение

Множественность и связанность — свойства, которые многое говорят не только о самих конфликтах, но и о конфликтности городской среды. Множественность конфликтов может создавать потенциал для связей в случаях, когда через нее проступают качественные характеристики проблемы. Связи между городскими конфликтами распределены неравномерно, присущи скорее сложным резонансным и смежным конфликтам с актуальными для горожан повестками, устойчивыми структурами-посредниками и резонансностью в медиа и сетях. Важным потенциалом для формирования связей обладает общность локального пространства и проблемного поля, но наиболее устойчивые основания связей — пересекающиеся в конфликтах акторы городских полей стратегических действий, способные к участию в поле городской публичной политики на субполитическом уровне, где местные политические, экономические акторы встречаются с рассерженными горожанами. Однако субъектность последних меняется. Важную роль в этом играют два взаимных процесса — сетевизации и персонификации гражданских акторов, — выводя на арену публичной политики двух новых «персонажей» городского конфликта — «лидера без сети» и «сеть без лидера». Общая тенденция к сетевизации городских связей проявляется в конфликтах, когда для решения проблемы

требуется привлечение всех доступных ресурсов. Важную и публично проявленную роль, наряду с представителями органов власти, в нем играют лидеры конфликтных (оборонительных) сообществ, квалифицированные акторы, в частности «профессиональные общественники». Скорее теневая, но не менее значимая роль принадлежит стратегическим акторам сферы бизнеса, особенно в условиях конфронтационного городского режима. Все эти акторы «видят» друг друга и учитывают действия друг друга.

Наращение числа связанных конфликтов создает дополнительный потенциал для формирования общего поля городской конфликтности. Завершившийся сложный конфликт оставляет за собой новые местные соглашения, новые способы управления, новые конфигурации дискуссионных форумов, а также новые технические процедуры (различные дополнения, изменения в градостроительных документах и т. д.). Связанный конфликт оставляет после себя в том числе и социальный капитал, который может быть инвестирован в другие конфликты.

Эмпирический анализ кейсов конфликтов отдельного города позволяет выдвинуть предположение, что большая часть резонансных и ресурсных городских конфликтов имеет высокий потенциал связанности, а часто и актуальные связи с другими конфликтами и конфликтными акторами. Мы приходим к выводу, что сложные и смежные городские конфликты нужно изучать как сеть конфликтов, а не как отдельные случаи.

Связанность как признак сложных, отчасти смежных конфликтов наделяет их свойствами, отсутствующими у «изолированных» фокусированных конфликтов. Здесь задействованы вертикальные и горизонтально конструируемые структуры, включены значимые субъекты из разных секторов, групп интересов, экономические интересы здесь всегда пересекаются с политическими или социальными, что усложняет ролевое распределение, высокий мобилизационный потенциал акторов, а значит, такие конфликты требуют системного регулирования, предполагающего совокупность действий, выходящих далеко за пределы направленного воздействия на объект и манифестирующих проблему акторов.

Эмпирический анализ показывает, что за связями конкретных городских конфликтов стоят более масштабные (устойчивые, долговременные) противостояния:

- 1) конфликты стратегических акторов (девелоперов, депутатов) друг с другом за значимые городские ресурсы (выгодные участки земли, распределение городского бюджета, депутатские мандаты);
- 2) конфликты локальных сообществ с неопределенным кругом потенциальных акторов, претендующих на контроль за присвоенной территорией;
- 3) конфликты городских сообществ с широким кругом акторов за значимые для городского сообщества локально распределенные ресурсы.

Феномен связанности поставил перед нами ряд проблем, решение которых требует дальнейших исследований.

Во-первых, это проблема связанности и различения элитных и публичных городских конфликтов, ресурсы которых могут перетекать друг в друга, что расширяет проблемное поле и субъектное пространство конфликта. Остается вопросом, в каких случаях ресурсное влияние элит может запустить городской конфликт (городские конфликты).

Во-вторых, это проблема надежности маркеров связанности, над которой необходимо продолжать работать. В отличие от многих других параметров, связи между конфликтами часто остаются недоступными для объективной, аналитической фиксации. Понимая взаимозависимость протекания и исходов конфликтов, акторы, тем не менее, часто не манифестируют их как связанные. Другая исследовательская ситуация: совпадение места и конфликтных событий с участием актора также не является надежным маркером — нельзя исключить фактор заинтересованности активного жителя территории вступать в любые конфликты в силу личных амбиций или особенностей. Также нельзя исключать, что конфликты связаны с особыми объективными свойствами территорий, генерирующих серию не связанных друг с другом конфликтов. Дополнительным важным критерием связанности конфликтов в такой ситуации может быть резонанс конфликта как маркер его значимости для всего городского сообщества. К резонансу могут приводить и особо креативные действия акторов.

Однако отдельные признаки связанности все-таки могут быть зафиксированы объективно. Если противостояние лоббирующих свои интересы двух групп стратегических акторов в одном конфликте будет продолжаться и в других, то можно с определенной степенью вероятности утверждать, что они вовлечены в системное элитное противостояние, выражающееся в городских конфликтах.

Список литературы (References)

1. Бедерсон В., Шевцова И. Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 285—300. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300>.
Bederson V., Shevtsova I. (2021) Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russia's Million-plus Cities: A Typology of Urban Regimes in the 2010s. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 285—300. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300>. (In Russ.)
2. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>.
Belousov A. B., Davydov D. A. (2024) Urban Spatial Conflicts in Novosibirsk: Studying General Dynamics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>. (In Russ.)
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковенева; под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
Boltanski L., Thévenot L. (2013) *De la Justification les Économies de la Grandeur*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
4. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис. 2011.

- Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
5. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // *От общественного к публичному* / под ред. О. Хархордина. СПб.: Издательство ЕУ СПб. 2011. С. 70—304.
Gladarev B. (2011) *Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: The Birth of the Public from the Spirit of the City*. In: Kharkhordin O. (ed.) *From the Social to the Public*. Saint Petersburg: EUSP Press. P. 70—304. (In Russ.)
 6. Гофман А. А., Тимошук А. С. Сложное общество: нестационарность, гибридизация, прекаризация // *Социальные отношения*. 2021. № 2. С. 90—101.
Gofman A. A., Timoshchuk A. S. (2021) *Complex Society: Nonstationarity, Hybridization, Precarization*. *Social Relations*. No. 2. P. 90—101.
 7. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>.
Gluhova A., Kolba A., Sokolov A. (2021) *Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia's Large Regional Centers)*. *The Journal of Social Policy Studies*, Vol. 19. No. 2. P. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>. (In Russ.)
 8. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / отв. ред. Е. В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021.
Tykanova E. V. (ed.) (2021) *Cities of Diverging Streets: Trajectories of the Development of Urban Conflicts in Russia*. St. Petersburg: FCTAS RAS. (In Russ.)
 9. Городские пространства и сообщества в ракурсе изменений и конфликтов / под ред. И. А. Скалабан. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2023.
Skalaban I. A. (ed.) (2023) *Urban Spaces and Communities in Terms of Changes and Conflicts*. Novosibirsk: NSTU Publisher. (In Russ.)
 10. Елацков А. Б. Отношение, связь и обособленность: философские категории в современном дискурсе // *Философия и общество*. 2016. № 2. С. 64—82.
Elatskov A. B. (2016) *Relationship, Connection and Isolation: Philosophical Categories in Modern Discourse*. *Philosophy and Society*. No. 2. P. 64—82. (In Russ.)
 11. Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>.
Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2021) *“Players” in “Arenas”: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow)*. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>. (In Russ.)
 12. Козер Л. *Функции социального конфликта*. М.: Идея-Пресс, 2000.

- Kozer L. (2000) *Functions of Social Conflict*. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)
13. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ, 2014.
Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
14. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
Lefebvre H. (2015) *La Production de L'Espace*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
15. Паченков О., Воронкова Л. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 253—268. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>.
Pachenkov O., Voronkova L. (2021) “New Urban Activism” and “Public Policy” in Russia (Case of Saint Petersburg). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 253—268. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>. (In Russ.)
16. Связь и обособленность / отв. ред. М. А. Парнюк. Киев: Наукова думка, 1988.
Parnyuk M. A. (ed.) (1988) *Connection and Isolation*. Kyiv: Naukova Dumka. (In Russ.)
17. Семенов А., Минаева Э. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>.
Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2021) The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>. (In Russ.)
18. Скалабан И. А., Лобанов Ю. С. Сложный городской конфликт: концептуальные основания анализа и эмпирическое описание // *Социологическое обозрение*. 2025. Т. 24. № 1. С. 242—268. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-242-268>.
Skalaban I. A., Lobanov Yu. S. (2025) Complex Urban Conflict: Conceptual Foundations and Modern Practices. *Sociological Review*. Vol. 24. No. 1. P. 242—268. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-242-268>. (In Russ.)
19. Скалабан И. А., Сергеева З. Н., Лобанов Ю. С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // *Мир России*. 2022. Т. 31. № 4. С. 33—56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>.
Scalaban I. A., Sergeeva Z. N., Lobanov Yu. S. (2022) The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk). *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 4. P. 33—56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>. (In Russ.)
20. Скалабан И. А., Лобанов Ю. С., Сергеева З. Н., Волченко С. Ю. «Уровень опасный зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфлик-

- тов. Кейс г. Новосибирска // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 190—218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>.
- Skalaban I. A., Lobanov Yu. S., Sergeeva Z. N., Volchenko S. Yu. (2023) “The Level of Fears is off the Scale!”: Triggers of Urban Conflicts in the Context of Municipal Management (Novosibirsk Case Study). *Sociology of Power*. Vol. 35. No. 1. P. 190—218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>. (In Russ.)
21. Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69—84.
Thevenot L. (1997) Multiplicity of Coordination Modes: Equilibrium and Rationality in a Complex World. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 69—84. (In Russ.)
22. Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А. Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 90—119.
Tykanova E. V., Shevtsova I. K., Zhelnina A. A. (2024) Alliances between Authorities and Urbanites in Urban Local Conflicts. *Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 90—119. (In Russ.)
23. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: ИД ВШЭ, 2022.
Fligstein N., McAdam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
24. Benford R. D., Snow D. A. (2000) Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 611—639. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.611>.
25. Bennett L. W., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.
26. Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
27. Pelletier M., Trudelle C. (2016) Analysis of Urban Conflict Networks: Theoretical and Methodological Perspectives. In: Del Romero L. (ed.) *Conflicts in the City. Reflections on Urban Unrest*. New York, NY: Nova Publishers. P. 17—41.
28. Tilly Ch. (1998) Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions — Local, National, and International — Including Identities. *Theory and Society*. Vol. 27. No. 4. P. 453—480.
29. Trudelle C., Klein J.-L., Fontan J.-M. (2015) Urban Conflicts and Socio-Territorial Cohesion. *Canadian Journal of Urban Research*. Vol. 24. No. 2. P. 138—157.